СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва
3 СЕН 1987

Встреча по вашей просьбе

КРАСНЫЕ РОЗЫ НА СНЕГУ

Есть в нашем театральном искусстве поразительное явление — единственный в мире цыганский театр «Ромэн». Хотя историческим сложилось так, что цыганский народ оказался разбросанным по многим странам мира, в каждой из них цыгане стремились сохранить самобытность своей культуры. И по сей день там можно услышать их мелодии в исполнении ансамблей или отдельных певцов... Но чтобы возник целый театр, да еще высокопрофессиональный... Вот почему наш театр «Ромэн», пожалуй, всемирно известен. В разное время о нем высоко отзывались Ромен Роллан, Долорес Ибаррури, Назым Хикмет, Пабло Неруда, Эдуардо де Филиппо и многие другие крупнейшие деятели мировой культуры.

— Как могло случиться, что именно в нашей стране родился такой театр? — говорит народный артист СССР, главный режиссер театра «Ромэн» Николай Сличенко.— Безусловно, под влиянием идей Октября и благодаря ленинской национальной политике. Только так можно ответить на этот вопрос. Думаю, все мы, артисты, работники цыганского театра, познали на своей собственной судьбе эту истину. В старом энциклопедическом словаре, изданном в 1901 году, можно прочитать: «Цыгане — загадочный кочевой народ... Между занятиями цыган первое место занимает выделка гвоздей, подков, удил. Торговля лошадьми представляет одно из любимейших занятий цыган...» И это все, что сумел сказать о моем народе автор заметки в энциклопедии братьев Гранат. Ни слова о культуре цыган, не только имеющей давние корни, но и привлекавшей к себе внимание многих и многих великих деятелей мировой культуры... Назову хотя бы имена Сервантеса, Гюго, Мериме, Гарсиа Лорки, Брамса, Сарасате... Я уж не говорю о Пушкине, Льве Толстом, Лескове, Куприне... Да, даже будучи кочевым, цыганский народ сумел изустно сохранить свою самобытную культуру — фольклор, песни, танцы, легенды, язык, позволяющий утверждать, что нашей прародиной была Индия.

Бывая за рубежом, я часто слышу в разных странах: у нас, мол, тоже есть искусство цыган. Начинаешь расспрашивать, и оказывается, что речь идет о каком-нибудь цыганском ансамбле или солисте, являющем жалкое существование, выступающем в ресторанчике. Можно ли это назвать — в полном смысле слова — настоящим искусством?

— Тут я позволю себе прервать вас, Николай Алексеевич, чтобы напомнить о гастролях нашего театра «Ромэн» в Японии. Они проходили с необыкновенным успехом. Одна из японских газет — «Никкан гэндай» — даже вышла с таким аншлагом: «После спектакля театра «Ромэн» японское театральное искусство выглядит любительским!» Кстати, ведь речь идет о спектакле «Мы — цыгане», за постановку которого, как и за спектакль «Живой труп», вас выдвинули на соискание Государственной премии СССР, не так ли?

— Да, мы показывали в Японии «Мы — цыгане». Это спектакль-обозрение истории и жизни цыганского народа; в нем собраны сокровища нашей художественной культуры, показана ее связь с русской культурой... Япония — страна древнего театрального искусства, вспомним хотя бы всемирно известные театры «Но» и «Кабуки»... Поэтому такая оценка из уст японцев — для нас лестная. И я отношу ее еще и к тому важному фактору, что на гастролях нашего театра японцы увидели не просто театр «Ромэн», а коллектив, представляющий советское многонациональное искусство. Он отличается даже от самых высокопрофессиональных зарубежных коллективов тем, что живет и развивается не изолированно, не замкнуто в национальных рамках, а в постоянном процессе взаимовлияния и взаимообогащения.

Поясню это на примере. «Ромэн» был создан в 1931 году, и вначале его спектакли шли только на цыганском языке. И очень скоро перед нами встала задача — расширить круг наших зрителей, приобщить людей многих национальностей к нашему искусству. И сделать это можно было только при помощи русского языка. Он, можно сказать, дал нашему театру вторую жизнь. Решающим оказалось и то, что в 1935 году во главе нашего коллектива встал выдающийся мастер русской сцены артист МХАТа Михаил Михайлович Яншин, прекрасно знавший наше искусство. Возможности театра «Ромэн» расширились, в его репертуаре появились классические произведения. На нашу сцену вышел и новый герой — наш современник. Бережно сохраняя и развивая традиции народного цыганского искусства, театр в то же время стремился осваивать и великие традиции русского театра — раскрытие на сцене психологически сложных, ярких характеров, обращение к драматической литературе высоких художественных достоинств. Можно говорить о настоящем творческом содружестве «Ромэна» и МХАТа. Вчерашние артисты эстрады, цирка, любители в театральном искусстве, осваивая достижения школы МХАТа и «системы Станиславского», превращались в высокопрофессиональных артистов...

Я пришел в театр позднее. Но и по сей день помню заветные для нас слова Михаила Михайловича Яншина: «Театр «Ромэн» должен быть не только театром пения, танцев и музыки, но и театром серьезного содержания, стремящимся соединить фольклор с большой драматургией, с классикой... В основе любого синтетического спектакля, я убежден, лежит не пение, не танец, а мысль и чувства актера, подчиняющие себе остальные компоненты...»

Фактически это программа, которой мы следуем и по сей день. И если мы действительно заслужили высокую оценку японской прессы, то, я думаю, еще и потому, что наше искусство опирается на достижения русского театра...

— Скептики, ратующие за национальную самобытность своего искусства, считают, что следование традициям искусства другого народа размывает, мол, эту самую самобытность. Так ли это?

— Я убежден, что нарочитая национальная изоляция ни к чему доброму привести не может. Более того, национальное и интернациональное в искусстве так взаимосвязаны, что, как говорят актеры, «между ними и иголки не просунешь». Значит ли это, что я отрицаю национальное своеобразие? Ни в коем случае! Наоборот, время требует от нас всемерного развития искусства и литературы каждой нации, каждого, пусть самого небольшого по численности народа, но развитие, расцвет этот возможны только при одном, решающем условии — общечеловеческом, интернациональном содержании. Это—не парадокс. Это— жизнь.

К примеру, в начале прошлого века в кругах передовой русской интеллигенции было обращено особое внимание на цыганскую песню. И Пушкин, и ряд композиторов, давших затем жизнь демократическому городскому романсу,— Верстовский, Булахов, Шишкин, Алябьев и другие увлеклись не просто выражением в песне, в мелодии цыганского характера, их привлекла прежде всего мысль о воле... Помните, как об этом говорит Федя Протасов в толстовском «Живом трупе»: «...это степь, это десятый век, это не свобода, а воля...»

И сразу же цыганская песня, народная музыка — именно та, в которой выразились лучшие черты моего народа, стала созвучной демократическим, вольнолюбивым настроениям русской интеллигенции. И это подняло нашу песню на новую высоту. А некоторые городские романсы, русские песни, близкие по духу, по мелодике, цыгане восприняли как свои, народные.

Александр Иванович Куприн сравнивал цыганские песни с красными розами на снегу. Мы с благодарностью вспоминаем это — действительно, русское искусство, русская литература сделали все, чтобы розы эти ожили на снегу. Спектакль «Мы — цыгане» мне видится букетом таких роз, выражением любви к русским братьям.

Думаю, чувство любви одного народа к другому во многом и определяло успех наших выступлений. Ведь в мире вынче так много зла, так много человеконенавистнических сил, жаждущих сорвать народы друг с другом, противопоставлять их, сеять национальную рознь, разобщенность. На наших спектаклях и концертах за рубежом я видел, как истосковались люди по доброте, сердечному теплу, щедрости чувств. Они просили нас петь еще. Хотя были, конечно, и другие: те, кто пикетировал около гостиниц или концертных залов, злобствовал, пытался толковать об ущемлении прав цыган... Но им отвечало наше искусство, то, что мы могли гордо сказать уже названием своего спектакля: «Мы—цыгане». И не какие-то там безродные, скитающиеся, гонимые, а имеющие свою великую Родину — Советский Союз! Мы видели, как не могли сдержать слез местные цыгане, слез радости, что искусство нашего народа не только не утрачено, а живет, развивается и расцветает!..

— Мне думается, что обращение ваше к русской классике, к Льву Толстому, к образу Феди Протасова тоже есть выражение такой братской любви.

— Несомненно! Мы готовили этот спектакль, приходя каждый день в театр, как на праздник. Хотя, сами представляете, как трудно было нам подступиться к этой сложнейшей, психологически тонкой и глубокой пьесе Льва Толстого. Ведь «Живой труп» — труднейший экзамен для любого крупного театра. А какие корифеи русской и мировой сцены играли в нем: Николай Симонов, Михаил Романов, Михаил Астангов, Николай Гриценко, Сандро Моисси...

— Это, пожалуй, первый спектакль, в котором вы не поете, а выступаете как чисто драматический актер... И, конечно, как режиссер-постановщик. Честно говоря, ни в одном театре я не помню, чтобы так ярко расцветала на сцене картина «У цыган». И вот что странно: ваш Федя Протасов только слушает пение цыган, но полное ощущение, что душа его поет!..

— Мы и хотели передать это — единение народных душ, прикосновение — пусть только в мелодии! — человека к воле, к освобождению от алчности, корысти мира, в котором, несмотря на внешнюю благопристойность, нет места человечности...

...Мы завершаем наш разговор с Николаем Сличенко. И мне вспоминается, как горячо и страстно шло обсуждение спектаклей «Мы — цыгане» и «Живой труп» в Московском производственном швейном объединении «Салют», когда его рабочие и служащие выдвигали Николая Сличенко за эти постановки на соискание Государственной премии СССР. Выступали многие, но, пожалуй, более всего мне запали в память слова служащей объединения Ирины Германовны Малышевой:

— Я смотрела спектакль «Мы — цыгане» три раза. И вот о чем думаю: у каждого настоящего художника есть высший долг перед своим народом. Так вот, мне кажется, если бы даже не было уникального театра одной песни, с которого начиналась еще двадцать лет назад необыкновенная популярность Николая Сличенко, то все равно он свой долг исполнил сполна, поставив спектакль «Мы — цыгане». Долг — и перед цыганским народом, не только советским, но и перед теми цыганами, которые разбрелись по всему свету в поисках счастья. Он отдал долг и нашей великой Родине, вернувшей цыганскому народу его счастье...

Л. ВИНЧИ.